

Проблема единицы словаря в свете регулятивности языка

Развитие лингвистики приводит к открытию новых языковых единиц. Это закономерный процесс: "По мере возрастания глубины анализа, усовершенствования приемов и методов установления и описания языковых явлений будет неизбежно изменяться и наше представление о составных компонентах языка" (1,44). Это закономерный процесс, но каждое новое его проявление вызывает активные возражения со стороны тех ученых, которые склонны видеть в нем так называемое "умножение сущностей", нарушающего существующий, устоявшийся, общепринятый порядок, у которого есть только один недостаток: эвристическая беспомощность.

Процесс такого масштаба, как смена научной лингвистической парадигмы, содержание которого может быть определено как функционализация семиотического сосюрковского языкознания (2), не может не привести к попыткам критического анализа представлений о единицах естественного языка. Признание того факта, что именно регулятивная функция есть системообразующая функция языка, что язык есть функциональная система, которая состоит из функциональных же составляющих, вызывает необходимость переосмысления современных представлений о «составных компонентах языка».

Обсуждаемую проблему прекрасно иллюстрируют слова Л.С.Выготский, который писал, характеризуя методы анализа речевого мышления: "Исследование всяких психологических образований необходимо предполагает анализ. Однако этот анализ может иметь две принципиально различные формы, из которых одна, думается нам, повинна во всех неудачах, которые терпели исследователи при попытках разрешить эту многовековую проблему, а другая является единственно верным начальным пунктом для того, чтобы сделать хотя бы самый первый шаг по направлению к ее решению. Первый способ психологического анализа можно назвать разложением сложных психологических целых на элементы. Его можно было бы сравнить с химическим анализом воды, разлагающим ее на водород и кислород. Существенным признаком такого анализа является то, что в результате его получают продукты, *чужеродные по отношению к анализируемому целому (выделено нами - А.Р.)*, - элементы, которые не содержат в себе свойств, присущих целому как таковому, и обладают целым рядом новых свойств, которых это целое никогда не могло обнаружить. С исследователем, который, желая разрешить проблему мышления и речи, разлагает ее на речь и мышление, происходит совершенно то же, что произошло бы со всяким человеком, который в поисках научного объяснения каких-либо свойств воды, например, почему вода тушит огонь или почему к воде применим закон Архимеда, прибег бы к разложению воды на кислород и водород как к средству объяснения этих свойств. Он с удивлением узнал бы, что водород сам горит, а кислород поддерживает горение, и никогда не сумел бы из свойств этих элементов объяснить свойства, присущие целому... В сущности говоря, такого рода анализ, который приводит нас к продуктам, утратившим свойства, присущие целому, и не является с точки зрения той проблемы, к решению которой он прилагается, анализом в собственном смысле этого слова" (3, с. 11-12)

Если продолжить аналогию Л.С.Выготского, то задача, стоящая перед лингвистами может быть сформулирована таким образом: необходимо осуществить перевод представлений о составляющих языка с атомарного на молекулярный уровень.

В предлагаемой статье мы предлагаем решение этой проблемы для лексического яруса языка (необходимо отметить, что говоря в данном случае о «лексическом ярусе языка», мы абстрагируемся от того очевидного для нас обстоятельства, что функционализация представлений об устройстве естественного языке должна, как представляется, привести к отказу от так называемой "ярусной", или «уровневой» модели языка, предполагающей существование нескольких гомогенных языковых подсистем - фонетической,

морфологической, лексической и синтаксической,- модели, которая не соответствует функциональной сущности языка.

Носителю языка нужны средства именованья и законы комбинирования этих средств в актах построения текстов. Видимо, последовательно функциональное языкознание будет разграничивать всего две основные подсистемы языка: сферу н о м и н а ц и и и сферу р е г у л я ц и и. Первая сфера - это область средств именованья, средств экспликации понятий. Из этой сферы черпает говорящий средства, позволяющие именовать каждого из участников ситуации: субъект, объект, предикат - той типовой ситуации, сеть которых налагается человеком на воспринимаемый им мир. Способы организации средств номинации участников этой типовой ситуации в единое целое - в текст - предоставляет сфера коммуникативных единиц. Разграничение сфер номинации и регуляции позволит, в частности, преодолеть изолированное рассмотрение функционально тождественных слов и словосочетаний, определяемых с точки зрения ярусной модели языка как единицы разных ярусов).

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению вопроса о единице лексического яруса языка, актуализуем наши основные посылки: язык – орудие регуляции; язык – функциональная система, единицы которой должны по своим основным свойствам соответствовать сущности системы.

Это означает, что лексические единицы р е г у л я т и в н о п р е д н а з н а ч е н ы. Это означает, что в самом их устройстве заложена способность к модификации средств выражения в зависимости от ситуации (позиции), в которой протекает акт воздействия субъекта говорения на собеседника. Именно здесь - объяснение этого очевидного, но, сути дела, игнорируемого классической лексикологией, факта существования множества способов выражения конкретного концепта. Воспринимающий=регулируемый субъект всякий раз другой, разный, новый; ситуация регуляции всякий раз иная, отличная от предыдущей. Именно поэтому язык должен предоставить в распоряжение говорящего множество способов выражения понятия, из множества которых он сможет выбрать наиболее эффективный в этой ситуации.

Несомненно, что что множество номинативных элементов языка – множество слов и словосочетаний – организуется системой идей, системой сигнификатов. «Картина мира», лингвистической формой представлений которой есть иерархия сем, является системообразующим фактором словаря естественного языка.

Однако этот фактор не единственный и не главный. Знак естественного языка призван не просто выразить соответствующую идею, он предназначен для того, чтобы выразить ее в определенной ситуации номинации, наряду с другими - функционально тождественными ему знаками. Эта совокупность регулятивно предназначенных двусторонних вариантов выражения концепта, выступающего по отношению к ним как инвариант, и есть та новая единица словаря - семантема, описанию которой посвящена предлагаемая статья.

Функциональный подход к лексике не отрицает систему сигнификатов в качестве системообразующего фактора системы знаков. Функционализм не останавливается на этой констатации, пытаясь найти истинные причины, порождающие бытие языка и находит их в регулятивной функции.

Выяснив причину возникновения системы сигнификатов, причину человеческой потребности в отражении мира как первой ступени и необходимого условия его последующего "очеловечивания", мы закономерно возвращаемся к очень важному для нашего изложения вопросу об отношениях, существующих между знаковой системой и системой идей. Сложность исследования этой области в немалой степени обусловлена той извечной подозрительностью, с которой лингвистика относилась и относится к идее

существования "вневербального" уровня языка, не попадающего под сакраментальное определение "собственно языковое".

Как представляется, это предубеждение может и должно быть "снято" осознанием того, что определяя язык как орудие, как инструмент *для* мысли, мы не должны забывать о принципиальной неразрывности и целостности того, что должно назваться языкомышлением. Уместно вспомнить здесь высказывания Эдварда Сепира: "С точки зрения языка мышление может быть определено как

наивысшее скрытое или потенциальное содержание речи, как такое содержание, которого можно достичь, толкуя каждый элемент речевого потока как в максимальной степени наделенный концептуальной значимостью" ...Язык можно считать лишь внешней гранью мышления на наивысшем, наиболее обобщенном уровне символического выражения... Язык не есть ярлык, заключительно налагаемый на уже готовую мысль ..." (4, с. 36), "Язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собой переплетены, они в некотором смысле составляют одно и то же" (Сепир, 193). Интересен и показателен комментарий этих высказываний А.Е.Кибрик: "Идея параллельности мыслительной и языковой деятельности имеет основополагающее значение для понимания природы языка, но она и до сих пор, по существу игнорируется, и из нее не сделано соответствующих методологических и практических выводов. (5, 11).

Стремление выявить подлинные формы *с о - б ы т и я* и *с о - ф у н к ц и о н и р о в а н и я* "мира знаков" и "мира сигнификатов" закономерно приводит нас к идее форм существования языка.

Исследователь того или иного лингвистического объекта должен осознавать, что этот последний существует в нескольких формах, каждая из которых характеризуется качественным своеобразием. Главная опасность, которую должен избежать лингвист - это опасность абсолютизации данных, полученных на одном из уровней. Пафос идеи уровней языка заключается в утверждении принципиального единства всех форм существования языковой единицы. Иначе говоря, нет единиц языка и единиц речи - есть различный формы бытия одной единицы.

Ищущий законы организации языка не может миновать фонологию. Обозримость, изученность, наглядность явлений этого языкового яруса обуславливают интерес к звуковому строю естественного языка ученых различных отраслей лингвистической науки. Интерес не только к материалу, но и к истории его осмысления, ведь долгая и страстная история споров о фонеме заслуживает самого пристального изучения: первое в истории лингвистики столкновение школ, исходящих из примата, с одной стороны, функции, а с другой - природы, произошло на фонетическом материале и фонема - первый плацдарм, завоеванный лингвистическим функционализмом.

Существует сфера наблюдаемых, воспринимаемых, а потому бесспорно реальных звуков, слов, синтагм, звучащих и слышимых, произносимых и воспринимаемых, фиксируемых разными способами. Это уровень индивидуальной речи, которая сама по себе есть такая же абстракция, как и сосюрковский язык; категория речь - результат отвлечения от текста (речи, организованной для...), в форме которого она и существует.

Наиболее близкое нам определение речи (= речевой деятельности), дано Л.В.Щербой: "процессы говорения и понимания". Оно гораздо "семантически" сосюрковского понимания речи, сводившего ее к артикулированию. Речь это деятельность "Я", творящего "здесь" и "сейчас" текст, единственное предназначение которого – «регуляция» сознания собеседника.

Произнесенное и услышанное "о" несомненно реально. Оно может быть зарегистрировано соответствующими приборами во всей своей артикуляторной или акустической неповторимости, обусловленной особенностями ситуации говорения и индивидуальностью

говорящего. Уникальность бесконечного набора качеств присуща всем явлениям уровня речи, который Ю.С.Степанов удачно назвал уровнем наблюдения.

Подчеркнем, однако, что, во-первых, мы говорим не об особых единицах речи, но о речевой форме существования фонологических единиц; во-вторых, что бесконечные индивидуальные варьирования субстанциональных качеств звука "о" происходят вокруг определенного стержня, источник качественной определенности которого находится на других уровнях.

Индивидуально и ситуативно обусловленная речь не была бы воспроизводима и лингвистически значима, то есть понятна, если бы множество речевых фактов не могло быть сведено к значительно меньшему числу инвариантов. Их поиск, связанный с абстрагированием от бесконечного разнообразия конкретных речевых актов, приводит на уровень типов, или уровень нормы, который нами понимается как уровень обезличенной, типичной

речи. В отличие от речи, являющейся преломлением языка сквозь призму индивидуального "я", норма, с позиции субъекта познания,двигающегося от речи к языковой абстракции - это речь, отфильтрованная коллективным "мы" социалемы. Вот почему к уровню нормы так хорошо применим термин Ю.С.Степанова «уровень типов», на котором существуют только те явления, качества, признаки, которые имеют ценность для всего коллектива носителей языка, для всей социалемы. В норме звукотип [о] характеризуется только несколькими существенными признаками - гласность, ряд, подъем, лабиализация.

Будучи представлены в лингвистических описаниях, единицы уровня нормы, а точнее, языковые единицы в этой своей - отвлеченной в речевого разнообразия - форме бытия, кажутся наиболее наглядными, наблюдаемыми, хотя по самой своей сути они есть абстракция, результат отвлечения от индивидуальных речевых употреблений. Так, любой звукотип как совокупность коммуникативно значимых природных качеств, как результат абстрагирования от несущественных свойств звука речи, который в принципе не может быть произнесен, но прежде всего и будет услышан, так как воспринимающий речь субъект автоматически абстрагируется от множества реально существующих, но коммуникативно несущественных черт звука речи, автоматически осознает воспринятый звук речи как соответствующему инвариантному типу.

Вот почему, говоря "звук", мы чаще всего имеем в виду звукотип, говоря "слово", подразумеваем словарную статью.

Уровень типов дает представление об арсенале средств выражения, но не дает представления об организующих этот арсенал закономерностях. Поиск этих последних приводит исследователя на следующий уровень бытия языковой системы, уровень, удачно названный Ж.П.Соколовской "уровнем языковой абстракции" (термин используется в работах Ж.П.Соколовской, вариантами терминами являются "уровень конструктов" у Ю.С.Степанова, "уровень лингвистического анализа" у Л.А.Новикова; используются также термины "система языка" и "структура языка"). Именно здесь следует искать "скрытую основу" языка, заведомо недоступную для непосредственного наблюдения, для обыденного сознания.

Именно здесь - на уровне языковой абстракции - существует система односторонних сигнификатов, организующая систему знаков, слов и словосочетаний, существующих на уровне нормы.

Отношения, связующие сигнификат и двусторонние средства его экспликации в том или ином языке, - это отношения разноуровневых инварианта и вариантов.

Итак, сегментная единица фонетического строя естественного языка - фонема - существует в трех различных формах: как множество звуков речи (фонон), как микрополе звукотипов (аллофоном) и как семиотически рафинированный звук, описываемый набором дифференциальных признаков - как идеальный звук, звук, отобранный языком для

творения означающих, звук, который носителем языка осознается как единственно правильный и единственно существующий, который мы слышим, несмотря на всевозможные искажения и который мы приказываем своим органам речи произнести. Этот идеальный звук и обозначается буквой. Именно эта форма существования единицы звукового строя языка представляет наибольший интерес.

Именно на уровне языковой абстракции, на уровне конструктов - тайна фонемы, тайна функционализма и тайна языка.

Что же такое это "идеальное языковое задание", то "общее", которое под влиянием актуальных фонетических факторов реализуется в различных звуковых комбинаторных вариантах в "отдельном" (6, с.150)? На уровне языковой абстракции фонема выступает в виде организованной совокупности дифференциальных и интегральных признаков, для именования которых Э.Бенвенист предложил термин "фема".

Этим - универсальным для все языков - набором описывается определенное - для этого конкретного языка - количество идеальных для этого конкретного языка звуков, которые и творят множество означающих этого языка.

Повторим определение, которое кажется нам удачным: это семиотически рафинированные звуки, это подлинные

составные части фонологической системы «этого» языка. Эти компоненты - единственно существующие "языковые" звуки для носителей этого языка: психологически они затмевают все остальное безграничное многообразие звуков, присутствующих в речи, равно как и множество звукотипов в норме.

Поэтому звуковой строй естественного языка есть система фонем. Фонема - единица, т.е. составная часть фонетической системы. Фонема не должна отождествляться с элементом фонетической системы. Это отождествление ведет к внешне соблазнительному, но эвристически беспомощному редуccionизму.

Для того, чтобы прояснить это различие, обратимся к рассмотрению того, какие элементы формируют фонему на различных уровнях языка, иначе говоря, мы возвращаемся к вопросу о различных формах бытия единицы и элемента фонетической системы в языке.

На уровне языковой абстракции элементом фонетической системы является фема - признак, который в этом языке становится дифференциальным или интегральным. Из этих элементарных составляющих конструируются этим языком его фонемы, этим же языком выбирается, какие из признаков станут дифференциальными или интегральными.

Фонема на этом уровне - эталон, идеал семиотически предназначенного звука, представляющий собой - и это принципиально важно - иерархию фем.

Но вернемся к рассмотрению вопроса о том, в каких формах существуют элементы и единицы языка. Обратимся к уровню нормы. Фонема на данном уровне представляет собой множество позиционно чередующихся звукотипов. Именно звукотипы, выполняющие функцию позиционно обусловленных манифестаторов, вариантов фонем являются элементарными составляющими на этом языковом уровне. Их позиционная вариантность по отношению к инварианту уровня языковой абстракции и есть их лингвистическая сущность, и есть причина их системного бытия. Конечно же, каждый из этих вариантов, будучи звукотипом по своей природе может быть описан как набор артикуляций, но вряд ли это описание принадлежит собственно лингвистике. Звукотип уровня нормы будучи абстракцией, отвлечением от множества речевых звуков, тем не менее есть именно типический звук, распознаваемый носителем языка среди множества его вариаций в речи.

Повторим, однако, что распознается он не столько благодаря подобию звучания, сколько благодаря включенности в знаковые отношения, в означающие знаков.

Наконец, собственно звук является элементом фонетической системы на уровне индивидуальной речи. На этом самом наглядном уровне - уровне наблюдения - фонема выступает в виде совокупности нечетких множеств, формируемых звуками, индивидуально и ситуативно варьирующими природную сторону вариантов фонемы. Звук речи - это

фонетическое единичное - уникальное сочетание коммуникативно значимых и ситуативно обусловленных характеристик.

Понимание звучащей речи может быть представлено в виде следующего алгоритма:

Говорящий мыслит: <молоко>

и произносит: [мьл@ко] *Слушающий* слышит: [мьл@ко]

и понимает: <молоко>

Задача фонологии как раз и заключается в том, чтобы объяснить, каким образом из абсолютно нерусского слова [мьл@ко] декодируется уже "языковое", понятное "молоко".

Языковая компетенция слушающего позволяет ему в речевом континууме выделить звукотипы : инвариантные звучания, являющиеся результатом абстрагирования от коммуникативно незначимых качеств и принадлежащие уровню типов.

Все бесконечное множество произнесенных и произносимых "а", "о", "ь", "и с е-образным оттенком", "шалашиков" и промежуточных между ними звуков речи, подобно множеству горошин неправильной формы, будет распределено по тем "отверстиям" сита языковой компетенции носителя языка, которые соответствуют "природной" - акустико-артикуляторной - конфигурации немногих разрешенных в данном языке звукотипов. Переход от фона к звукотипу происходит так, как это описывает У.В.О.Куайн: "Нормы являются средством согласования непрерывности и дискретности. Когда мы слушаем плохое пение, мы улавливаем подразумеваемую мелодию, соотнеся каждую фальшивую ноту с одной из двенадцати норм диатонической шкалы ... Произнесение, попадающее между нормами, воспринимается как относящееся к ближайшей норме..." (7,с.51-55).

Однако лингвистическая сущность звукотипа заключается не в том, что он есть набор определенных типических артикуляций или акустических характеристик. Лингвистическая сущность звукотипа заключается в том, что он есть вариант фонемы. Та сущность, которая по отношению к звуку речи должна быть определена как результат абстрагирования от обладающих минимальной коммуникативной ценностью "природных" качеств, по своей системной сути есть форма существования, проявления, репрезентации фонемы на уровне нормы.

Обращает на себя внимание то, как "новые" - функциональные единицы изменяют представление о функциях "старых" единиц и элементов: функция звукотипа - представить в конкретной позиции фонему.

Сами звукотипы как носители субстанциональных качеств несомненно реальны. Реальны и отношения "природных" тождеств, подобий, различий , конечно же , существующие между звукотипами: очевидно, что звукотип [о] не тождественен и даже не подобен звукотипу "и с е-образным оттенком" , или звукотипу [ь], или звукотипу "ы с э-образным оттенком". Суть не в том, что эти отношения не существуют. Суть в том, что их значение для механизма естественного языка минимально. Абсолютизовав эти отношения и эту ипостась фонемы, а эта абсолютизация совершенно естественна для приверженцев дофункционального языкознания, мы не сможем адекватно интерпретировать случаи очевидного тождества звукотипов, позиционно чередующихся друг с другом. Конечно же, странное равенство: [о] равно [ь], или [о] равно [ы с э-образным оттенком]. Тем не менее, это так в "водяной" и "желтеть". Смысл этого равенства заключается в том, что его слагаемые не столько звукотипы, сколько варианты фонемы. И будучи вариантами, они тождественны ф у н к ц и о н а л ь н о, так как основное функциональное качество варианта, основное предназначение его в механизме языка, вызывающее его к жизни, есть репрезентация фонемы в определенной фонетической позиции.

Фонема на уровне нормы - это единство звукотипной природы и вариантной функции. Звукотип - это способ существования фонемы в конкретной позиции. Точнее, фонема на

уровне нормы реализуется "рядом позиционно чередующихся звуков", звуков, которые по своей природе суть звукотипы, а по функции - варианты фонемы. Множество вариантов порождается существованием множества позиций. Звук - это способ существования фонемы в конкретной позиции в конкретном акте речи. Существование множества звуков обусловлено существованием множества речевых актов.

Установление функционального качества звукотипа, т.е. установление того, вариантом какой фонемы в данной фонетической позиции он является, позволяет осуществить окончательную - содержательную - идентификацию речи, или, если говорить о лингвистическом анализе, перейти на уровень языковой абстракции, уровень, таящий скрытую основу речевых явлений.

Обращает на себя внимание последовательность, в какой актуализуются различные качества фонетических единиц: природа звука имеет решающее значение при первоначальном декодировании речи, при переходе от речи к норме, но именно функциональные качества звукотипа оказываются решающим фактором при окончательном понимании речи в процессе узнавания в звукотипе варианта фонемы.

Мы убеждены в изоморфизме устройства различных подсистем языка. Мы убеждены, что все они формируются функциональными единицами, подобными фонеме.

Можно предположить, что лингвистическое в с е о б щ е е ф у н к ц и о н а л ь н о: уровень лингвистического анализа формируется исключительно функциональными единицами. Этот тезис подтверждается данными функциональной грамматики: в основе единства функционально-семантического поля, охватывающего двусторонние средства выражения, лежит "определенная семантическая категория, некий семантический признак, проходящий в виде инварианта через всю систему разноуровневых средств одного поля" (А.В.Бондарко) и принадлежащий, как представляется уровню языковой абстракции.

Признавая принципиальную правильность тезиса об изоморфизме языковых подсистем, мы вправе предположить существование функциональной семантической единицы.

Признав, что важнейшей лингвистической - функциональной, системной - характеристикой слова является его предназначенность для выражения концепта той или иной ситуации номинации, мы - по логике вещей - должны признать, что строевой ячейкой лексической системы, ее единицей, ее компонентом является не пресловутый "семантический" треугольник, уподобляющийся другим таким же треугольникам по одной из своих сторон, но совсем иная сущность, совсем иное, более сложное, труднодостижимое образование, которое, тем не менее, адекватно отражает реальное устройство языка.

Речь идет о сложном единстве понятия и способов его выражения в данном языке - о с е м а н т е м е.

Сигнификат и соответствующие ему средства выражения не есть компоненты семантемы, не есть составляющие ее как чего-то более сложного, как деталь и узел, как клетка и орган, как взвод и батальон. Односторонний сигнификат и двусторонний знак есть ф о р м ы с у щ е с т в о в а н и я единой семантической единицы.

Термин семантема, изредка встречаясь в лингвистических трудах, заметно уступает по употребительности таким терминам, как сема, семема. Чаще всего с его помощью пытались обозначить феномены, освобожденные от собственно языковой материи. В работе Ж. Вандриеса "Язык" находим: "Под семантемами надо понимать языковые элементы, выражающие идеи, в данном случае идеи лошади и бега; под морфемами же - языковые элементы, выражающие отношения между этими идеями: в данной фразе (лошадь бежит - А.Р.) то, что бег, ассоциированный с лошадью вообще, относится к третьему лицу единственного числа изъявительного наклонения. Морфемы выражают следовательно

отношения, устанавливаемые умом между семантемами. Последние - объективные элементы представлений" (8,с.76). По словам Л.М.Васильева, "...термин "семема" (в том же смысле часто употребляется также термин "семантема") адекватен термину "значение словоформы" (9,с.21). В.Г.Гак определяет семантему как "ядро значения слова", "отражение элемента ситуации" (денотата или референта - А.Р.) в плане содержания языковой единицы. Можно предположить, что семантема у этого автора соотносится с денотативным компонентом значения, "очищенным" от грамматических и коннотативных признаков: «Существительное ветер и безличный глагол дует также тождественны в плане содержания, как дождь и дождит. В связи с этим при сравнении необходимо различать семантему - неизменную смысловую единицу на уровне плана содержания - и лексему - постоянный лексический элемент плана выражения" (10, с.14).

Важным этапом в истории термина семантема стали работы Ж.П.Соколовской. В понимании этого автора наиболее отчетливое выражение получили такие стороны понятия семантема, как "собственно лексичность" и "инвариантность". Ж.П.Соколовская определяет семантему как 1) единицу уровня языковой абстракции; 2) характеризуемую набором сем, расположенных в иерархическом порядке; 3) как инвариант смысла (11,с. 79).

Как представляется, следует говорить о принципиальной разноуровневости языковых инварианта и вариантов: инвариант всегда существует на более абстрактном уровне языка, варианты - на менее абстрактном. В то же время необходимо отметить, что инвариант и варианты не есть разные сущности - это разные формы существования единой единицы, единой составной части языковой системы.

Статус семантемы (мы абстрагируемся от того, что сигнификат - одна из форм бытия этой единицы) должны получить все вошедшие, входящие или войдущие в иерархию сем языковые понятия. Иначе говоря, семантемой является не только сигнификат 'насекомое', но и сигнификаты, подобные 'бабочка, которая сидит на цветке розы в погожий летний день' и другие.

Эксплицировать языковые понятие могут не только семемы, но и словосочетания, иначе говоря, все н о м и н а т и в н ы е элементы естественного языка.

Огромный эвристический потенциал понятия семантема обнаруживается не тогда, когда с ее помощью оказывается возможным свести к ограниченному числу инвариантов смысла безграничное множество конкретных семем, а в тот момент, когда семантическое познание, оставляя уровень языковой абстракции, возвращается на уровень типов, движется "от содержания к средствам выражения".

Семантема, делая явными отношения функционального тождества между самыми разнообразными по структурным характеристикам единицам, позволяет организовать не только множество слов, но и множество свободных словосочетаний, составляющих основную часть массива номинативных единиц и не могущих быть организованными иначе, как на семантических основаниях.

Очевидная для теоретической лингвистики множественность способов выражения языкового содержания, которая в практическом семантическом сознании сводилась, как правило, к констатации существования синонимов, в функциональной семантике, опирающейся на знание системы языковых понятий, обретает зримые очертания. Так, например, семантема, определяемая набором сем `руководитель, линейный, являющийся высшим для данного объекта` в русском языке может быть реализована совокупностью функционально тождественных номинативных единиц:

глава, голова, главный, главенствующий, возглавляющий, первое лицо, первый руководитель, главный руководитель, высший руководитель; тот, кто возглавляет что-л.; главенствующий где-л. человек и т.п.

Кроме того, к числу языковых средств, основным предназначением которых в системе русского языка является экспликация семантемы `глава` (Обозначение семантемы (как и других единиц уровня лингвистического анализа) посредством основного варианта может создать иллюзию их тождества; видимо поэтому В.Н.Сидоров, говоря о фонемах, предлагал называть их совсем немотивированными именами: например, вместо фонема **а** говорить: фонема Семен, про **т** говорить, фонема белка. Сложно, однако, предложить более удобный способ именования единиц этого уровня), т.е. к числу ее в а р и а н т о в, следует отнести их словарные толкования, а также самые разнообразные способы выражения этого понятия в индивидуальной речи. Функционально тождественным перечисленным словам и словосочетаниям является совершенно неожиданное для автора выражение, обнаруженное в "Котловане" А.Платонова: "Они ожидали активиста, как первоначального чело века в колхозе, чтобы узнать у него, зачем им идти в чужие места".

Таким образом, совокупность функционально тождественных слов, устойчивых и свободных словосочетаний, словарных формулировок, ситуативных средств выражения и есть форма существования семантемы на уровне типов.

Знакомство с микрополем вариантов семантемы `глава` закономерно приводит к выводу об относительности их функционального тождества, важнейшим следствием которой является строго регламентированная системой языка взаимозаменяемость. Причина такого рода ограничений заключается в природе словозначения, в его несводимости к одному смысловому компоненту.

Таким образом, возвращаясь к проблеме, вынесенной в название предлагаемой статьи, мы должны сделать вывод о том, что основной единицей словаря естественного языка является не слово, а семантема как функциональная семантическая единица. Лексическая система языка, а точнее, система номинативных средств языка, представляет собой систему семантем.

Литература

1. **Общее языкознание.** Внутренняя структура языка. - М.: Наука, 1972.
2. **Рудяков А.Н.** Лингвистический функционализм и функциональная семантика. - Симферополь, 1998.
3. **Выготский Л.С.** Мышление и речь. - М.: Лабиринт, 1996.
4. **Сепир Э.** Избранные труды по языкознанию и культурологии. - М.: Прогресс-Универс, 1993.
5. **Кибрик А.Е.** Э. Сепир и современное языкознание// Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. - М.: Прогресс-Универс, 1993. - с.5 - 22
6. **Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.** Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка// Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. - М.: Наука, 1970. - с. 149 - 156.
7. **Куайн У.В.О.** Слово и объект //Новое в зарубежной лингвистике. - Вып.18. - М.: Прогресс, 1986.
8. **Вандриес Ж.** Язык. Лингвистическое введение в историю: Пер. с франц. - М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937.
9. **Васильев Л.М.** Современная лингвистическая семантика. - М.: Высш. шк., 1990.
10. **Гак В.Г.** К типологии функциональных подходов к изучению языка// Проблемы функциональной грамматики. М.: Наука, 1985.
11. **Соколовская Ж.П.** Система в лексической семантике. - Киев: Вища шк., 1979.